

ДОБРОЛЮБОВЪ О ГЕРЦЕНЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ К. В. ЛАВРСКОГО

Публикация В. Э. Бограда

Автор печатаемого ниже мемуарного отрывка — Константин Викторович Лаврский (1844— после 1913)—родной брат близкого друга Добролюбова по нижегородской семинарии, Виктора Лаврского, студент Казанского университета, участник революционного движения.

Арестованный в мае 1863 г. по известному делу о «Казанском заговоре», К. В. Лаврский вскоре заболел и был помещен в больницу. Здесь, в заключении, и возникла та рукопись, фрагмент из которой публикуется ниже. Рукопись называется «Отрывочные воспоминания о детстве...». В конце ее дата: «Ноябрь 10. 1863 г. Казань. Казанский госпиталь» (ЦГИАЛ, ф. 1101, оп. 1, ед. хр. 679, лл. 35 об.— 36).

Мы публикуем из рукописи Лаврского небольшой отрывок, в котором он сообщает весьма любопытные подробности о встрече своей с Добролюбовым после возвращения того из-за границы. Здесь Лаврский приводит высказывания критика о Герцене, вносящие новые детали в историю взаимоотношений обоих революционных деятелей, которая является до последнего времени предметом продолжительных научных споров, отчасти из-за недостатка фактических данных.

Отметим, что в 1893 г. в связи с тридцатидвухлетней годовщиной со дня смерти Добролюбова Лаврский напечатал в «Волжском вестнике», под псевдонимом «Сверчок» (№ 297, от 18 ноября), статью «Мысли вслух», в которой он следующим образом рассказывал о своей встрече с критиком:

«Пишущий эти строки имел случай встретиться с Д<обролюбовым> незадолго до его смерти <...> Это было в конце июля или в начале августа 1861 года. Возвращаясь из-за границы, Добролюбов на несколько дней заезжал повидаться со своими родными в Нижний-Новгород. Я узнал о его приезде от своей няньки, которая сообщила мне, что „приходил Николай Александрович — спрашивал В. В.“ (моего старшего брата, с которым был товарищ по семинарии). Я решил воспользоваться случаем увидеть Д<обролюбова>. Он встретил меня очень приветливо, и я могу засвидетельствовать, что общеизвестный его портрет, приложенный при собрании его сочинений, дает о лице Д<обролюбова> совершенно неверное представление. Живая, подвижная физиономия, что-то ласковое и любящее в светлых глазах, мягкая улыбка,— все это делало Д<обролюбова> чрезвычайно привлекательным, несмотря на некрасивый облик его лица. Д<обролюбов> расспрашивал меня немного о Казанском университете и студенчестве, но эту часть разговора я совсем не помню. Помню только, что он скоро перешел к литературным интересам и тотчас же оживился, коснувшись этой темы <...> На свое здоровье он не жаловался, и я не подозревал, что ему осталось жить еще лишь несколько месяцев...»

Публикуемый ниже по рукописи 1863 г. рассказ Лаврского более подробен и представляет несравненно больший интерес.

ИЗ РУКОПИСИ К. В. ЛАВРСКОГО «ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ...»

«Какой я чести удостоилась,— встретила меня этими словами нянька, которая одна в то время домовничала со мной в доме: семейство еще не возвратилось из Москвы с могилы отца; — какой я чести удостоилась,— говорила нянька с сияющим лицом,— пришел и поцеловал; „я, говорит, тебя, нянюшка, помню“; я сказала, что Валерьяна Викторовича еще нет, так он вам велел придти!» — «Да кто же такой?» — «Да я не знаю как фамилия-то, вы говорили — что он на всю Расею известен, а меня, ну-ка ты, поцеловал старуху!» — «Неужели Добролюбов?» — «Он, он, идите к нему, он завтра уедет». — Дело в том, что Н. А. Добролюбов был товарищем брата в детстве и, проезжая из-за границы в Петербург, заехал в Нижний повидаться с родными и тем доставил мне случай повидаться, как я был уверен, с великим человеком. Отчасти со слов Ивана Ивановича, отчасти по собственным рассуждениям, я в то время считал Добролюбова выше Белинского и, может быть, под влиянием того, что был ему согражданин, верил вполне в бессмертность его славы. Я забыл 30 верст и ту же минуту отправился к нему; не берусь описывать что я чувствовал, когда стоял лицом к лицу с автором «Темного царства», с творцом знаменитого «Свистка», мутившего покой всей русской литературы. Совершенно ничего нельзя найти было в его наружности, что бы напоминало в нем резкого, колкого критика и сатирика; в манерах, в голосе, из лица, уже говорившего о близкой смерти,— виден был человек нервно-чувствительный, с чрезвычайно развитым сердцем и как будто придавленный горем. Поговоривши немного о литературе, о том, что он задумал писать (и действительно написал), Добролюбов заметил несколько номеров «Колокола», лежавших на столе, и заговорил о политике. Наверно могу сказать, что ни в одной его мысли я не думал сомневаться, ни с одним из его положений не думал не соглашаться; предо мной говорил «великий человек», «предводитель нескольких поколений» — и довольно. И странное дело, точно он знал, какие мысли тревожили меня: он говорил о том, что на дело Герцена и К^о должно смотреть серьезно, не удовлетворяться либеральными фразами, что у нас много слов, но нет вовсе дела, что это дело, наконец, требует и достойно того, чтобы ему посвятить жизнь и глядеть на него не слегка, но как на задачу жизни. Было очень ясно, что человек говорит с глубоким чувством, без всякого шарлатанства, — и тем были убедительней, или, вернее будет сказать, тем глубже западали мне в душу его слова. И моя серьезность и самостоятельность, еще не проявившись,— уже нашли себе дорогу.

Я приехал в Казань на второй курс во многом не таков, как уехал из нее: благодаря встрече с Добролюбовым — я ревностно принялся за науку, но... меня побуждала к этому «серьезная задача жизни»; я перестал увлекаться шумной жизнью читальной комнаты, но... потому, что видел в ней непонимание «серьезной задачи жизни», пустяки, на которую напрасно тратили энергию и время...